

Виктор Пелевин

Затворник и Шестипалый

ФТМ

Виктор Пелевин

Затворник и Шестипалый

«ФТМ»

1990

Пелевин В. О.

Затворник и Шестипалый / В. О. Пелевин — «ФТМ», 1990

ISBN 978-5-4467-0294-7

«...Затворник тихо засмеялся, сделал несколько шагов по направлению к далекому социуму, повернулся к нему задом и стал с силой шаркать ногами, так, что за его спиной вскоре повисло целое облако, состоящее из остатков еды, опилок и пыли. При этом он оглядывался, махал руками и что-то бормотал.— Чего это ты? — с некоторым испугом спросил Шестипалый, когда Затворник, тяжело дыша, вернулся.— Это жест, — ответил Затворник. — Такая форма искусства. Читаешь стихотворение и производишь соответствующее ему действие.— А какое ты сейчас прочел стихотворение?— Такое, — сказал Затворник...»

ISBN 978-5-4467-0294-7

© Пелевин В. О., 1990

© ФТМ, 1990

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктор Пелевин

Затворник и Шестипалый

1

- Отвали.
- ?..
- Я же сказал, отвали. Не мешай смотреть.
- А на что это ты смотришь?
- Вот идиот, Господи... Ну, на солнце.

Шестипалый поднял взгляд от черной поверхности почвы, усыпанной едой, опилками и измельченным торфом, и, щурясь, уставился вверх.

– Да... Живем, живем – а зачем? Тайна веков. И разве постиг кто-нибудь тонкую нитевидную сущность светил?

Незнакомец повернул голову и посмотрел на него с безразличным любопытством.

– Шестипалый, – немедленно представился Шестипалый.

– Я Затворник, – ответил незнакомец. – Это у вас так в социуме говорят? Про тонкую нитевидную сущность?

– Уже не у нас, – ответил Шестипалый и вдруг присвистнул. – Вот это да!

– Чего? – подозрительно спросил Затворник.

– Вон, гляди! Новое появилось!

– Ну и что?

– В центре мира так никогда не бывает. Чтобы сразу три светила.

Затворник снисходительно хмыкнул.

– А я в свое время сразу одиннадцать видел. Одно в зените и по пять на каждом эпицикле. Правда, это не здесь было.

– А где? – спросил Шестипалый.

Затворник промолчал. Отвернувшись, он отошел в сторону, ногой отколупнул от земли кусок еды и стал есть. Дул слабый теплый ветер, два солнца отражались в серо-зеленых плоскостях далекого горизонта, и в этой картине было столько покоя и печали, что задумавшийся Затворник, снова заметив перед собой Шестипалого, даже вздрогнул.

– Снова ты. Ну, чего тебе надо?

– Так. Поговорить хочется.

– Да ведь ты не умен, я полагаю, – ответил Затворник. – Шел бы лучше в социум. А то вон куда забрел. Правда, ступай...

Он махнул рукой в направлении узкой грязно-желтой полоски, которая чуть извивалась и подрагивала, – даже не верилось, что так отсюда выглядит огромная галдящая толпа.

– Я бы пошел, – сказал Шестипалый, – только они меня прогнали.

– Да? Это почему? Политика?

Шестипалый кивнул и почесал одной ногой другую. Затворник взглянул на его ноги и покачал головой.

– Настоящие?

– А то какие же. Они мне так и сказали – у нас сейчас самый, можно сказать, решительный этап приближается, а у тебя на ногах по шесть пальцев... Нашел, говорят, время...

– Какой еще «решительный этап»?

– Не знаю. Лица у всех перекошенные, особенно у Двадцати Ближайших, а больше ничего не поймешь. Бегают, орут.

– А, – сказал Затворник, – понятно. Он, наверно, с каждым часом все отчетливей и отчетливей? А контуры все зримей?

– Точно, – удивился Шестипалый. – А откуда ты знаешь?

– Да я их уже штук пять видел, этих решительных этапов. Только называются по-разному.

– Да ну, – сказал Шестипалый. – Он же впервые происходит.

– Еще бы. Даже интересно было бы посмотреть, как он будет во второй раз происходить.

Но мы немного о разном.

Затворник тихо засмеялся, сделал несколько шагов по направлению к далекому социуму, повернулся к нему задом и стал с силой шаркать ногами, так, что за его спиной вскоре повисло целое облако, состоящее из остатков еды, опилок и пыли. При этом он оглядывался, махал руками и что-то бормотал.

– Чего это ты? – с некоторым испугом спросил Шестипалый, когда Затворник, тяжело дыша, вернулся.

– Это жест, – ответил Затворник. – Такая форма искусства. Читаешь стихотворение и производишь соответствующее ему действие.

– А какое ты сейчас прочел стихотворение?

– Такое, – сказал Затворник.

Иногда я грущу,
глядя на тех, кого я покинул.
Иногда я смеюсь,
и тогда между нами
вздывается желтый туман.

– Какое ж это стихотворение, – сказал Шестипалый. – Я, слава Богу, все стихи знаю. Ну, то есть не наизусть, конечно, но все двадцать пять слышал. Такого нет, точно.

Затворник поглядел на него с недоумением, а потом, видно, понял.

– А ты хоть одно помнишь? – спросил он. – Прочти-ка.

– Сейчас. Близнецы... Близнецы... Ну, короче, там мы говорим одно, а подразумеваем другое. А потом опять говорим одно, а подразумеваем другое, только как бы наоборот. Получается очень красиво. В конце концов поднимаем глаза на стену, а там...

– Хватит, – сказал Затворник.

Наступило молчание.

– Слушай, а тебя тоже прогнали? – нарушил его Шестипалый.

– Нет. Это я их всех прогнал.

– Так разве бывает?

– По-всякому бывает, – сказал Затворник, поглядел на один из небесных объектов и добавил тоном перехода от болтовни к серьезному разговору: – Скоро темно станет.

– Да брось ты, – сказал Шестипалый, – никто не знает, когда темно станет.

– А я вот знаю. Хочешь спать спокойно – делай как я. – И Затворник принялся сгребать кучи разного валяющегося под ногами хлама, опилок и кусков торфа. Постепенно у него получилась огораживающая небольшое пустое пространство стена, довольно высокая, примерно в его рост. Затворник отошел от законченного сооружения, с любовью поглядел на него и сказал: – Вот. Я это называю убежищем души.

– Почему? – спросил Шестипалый.

– Так. Красиво звучит. Ты себе-то будешь строить?

Шестипалый начал ковыряться. У него ничего не выходило – стена обваливалась. По правде сказать, он и не особо старался, потому что ничуть не поверил Затворнику насчет наступления тьмы, – и, когда небесные огни дрогнули и стали медленно гаснуть, а со стороны

социума донесся похожий на шум ветра в соломе всенародный вздох ужаса, в его сердце возникло одновременно два сильных чувства: обычный страх перед неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он.

– Так и быть, – сказал Затворник, – прыгай внутрь. Я еще построю.

– Я не умею прыгать, – тихо ответил Шестипалый.

– Тогда привет, – сказал Затворник и вдруг, изо всех сил оттолкнувшись от земли, взмыл вверх и исчез за стеной, после чего все сооружение обрушилось на него, покрыв его равномерным слоем опилок и торфа. Образовавшийся холмик некоторое время подрагивал, потом в его стене возникло маленькое отверстие – Шестипалый еще успел увидеть в нем блестящий глаз Затворника – и наступила окончательная тьма.

Разумеется, Шестипалый, сколько себя помнил, знал все необходимое про ночь. «Это естественный процесс», – говорили одни. «Делом надо заниматься», – считали другие, и таких было большинство. Вообще, оттенков мнений было много, но происходило со всеми одно и то же: когда без всяких видимых причин свет гас, после короткой и безнадёжной борьбы с судорогами страха все впадали в оцепенение, а придя в себя (когда светила опять загорались), помнили очень мало. То же самое происходило и с Шестипалым, пока он жил в социуме, а сейчас – потому, наверное, что страх перед наступившей тьмой наложился на равный ему по силе страх перед одиночеством и, следовательно, удвоился, – он не впал в обычную спасительную кому. Вот уже стих далекий народный стон, а он все сидел, съежась, возле холмика и тихо плакал. Видно вокруг ничего не было, и, когда в темноте раздался голос Затворника, Шестипалый от испуга нагадил прямо под себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.